ИСТОКИ ГЕРАЛЬДИКИ РОССИЙСКИХ "ВЫЕЗЖИХ ИЗ ПРУССИИ" РОДОВ

(см. стр. 50)

Герб графов Шереметевых

ИСТОКИ ГЕРАЛЬДИКИ РОССИЙСКИХ "ВЫЕЗЖИХ ИЗ ПРУССИИ" РОДОВ

(см. 14-ю стр. цв. вкладки)

В. КУЛАКОВ

Проблема геральдики указанных в заглавии статьи родов России впервые была поставлена А. Б. Лакиером[1]. Более подробно этот вопрос рассматривался в статье С. Тройницкого, опубликованной в январской книжке журнала "Гербовед" за 1913 год[2]. Принимая "прусское" происхождение соответствующих родов за историческую реальность, упомянутые выше авторы справедливо для их времени сравнивали гербы Романовых, Шереметевых, Яковлевых, Кутузовых и др. с эмблематикой позднесредневекового прусского государства.

Современное состояние исторических дисциплин, прежде всего – археологии, позволяет по-новому осветить эту проблему[3], анализ которой в расширенном контексте ранней европейской геральдики предлагается ниже.

"Легенды" о выездах прародителей значительной части российских дворянских родов выводят их из "прус" территориально – из пределов княжества (курфюршества) Пруссии, известных жителям России в XVI–XVII вв. Если ранее в исторической науке эти данные считались информацией, не заслуживающей доверия, то в настоящее время В. Н. Бочков на основе многопланового анализа материалов "определяет их в совокупности как достаточно надёжный источник, правильно отражавший тенденции складывания русской военной силы и служилого класса"[4]. Данный автор на базе письменных источников доказал правомерность "легенд" о пришедших из земли пруссов Михаила Прушанина и Гланда Камбилы, сына Дивониса, появившихся на Руси, соответственно, первый – до 1231 года, второй – до 1283 г.[5] Учитывая допустимость реального происхождения этих исторических лиц из земли пруссов, есть смысл сравнить геральдику родов России, "выезжих из Пруссии", с дохристианской прусской эмблематикой.

Для выяснения характера эмблем, легших в основу геральдики упомянутых выше русских родов, следует прежде всего кратко представить условия, в которых происходило становление европейской геральдики.

Первые гербы феодальной Европы традиционно датируются серединой XI в. (Германия)[6] и несут изображения пернатых ("орёл") и четвероногих ("лев") хищников. Устойчивые эмблемы власти возникают в Западной Европе ещё на рубеже I в. до н. э. – I в. н. э. Они пред-

ставлены фигурами жертвенных животных (кабан, лошадь, петух) на "штандартах" противостоящих Риму "варварских" дружин. Эти изображения воспроизводили финальный акт культового действия (выставление останков жертвы) и были призваны отпугивать как небесных, так и земных противников людей, участвовавших в жертвоприношении[7]. Поднимать такие "штандарты" уже тогда могли лишь родовые вожди и военачальники, что подтверждало их высокий общественный и социальный статус.

С V в. н. э. в декоративном искусстве франков, наследников традиций ранних германцев эпохи Цезаря, появляется композиция "Во́дан и во́роны". Являясь по сути дела "языческой иконой", олицетворявшей мощь царя богов германского пантеона, это устойчивое изображение представляло собой обобщённую (неперсонифицированную) эмблему вождей франкских дружин, воспринимавшихся как земные эманации верховного божества[8]. В V–XI вв. эта эмблема изображалась на рукоятях мечей и на наконечниках их ножен сначала у западных, а затем и у северных германцев. В эпоху становления раннефеодальных государств данная эмблема, социально чуждая правителям христианской Европы, исчезает. Правда, мифологические спутники Во́дана–О́дина – ворон и волк в романском искусстве трансформируются в "орла" и "льва" государственных и личных гербов[9].

Ворон как символ дружины впервые появляется в Скандинавии в конце VIII в. на знамени легендарного Рагнара Лодброка[10]. Это могло быть и обозначением сакрального спутника бога О́дина, и вполне реальным, известным в современной этнографии способом отпугнуть стаи хищных птиц – предвестников несчастья.

Многократны находки изображения ворона в земле пруссов. Это – конские налобные подвески миндалевидной формы (бронзовая основа покрыта серебряным листом)[11], до мельчайших деталей имитирующие воинский щит. К X в. на западной окраине балтского мира впервые в Европе проходит полный цикл становления геральдического изображения – от многовариантного символа к стандартной эмблеме на боевом (парадном?) щите, многократно копировавшейся в уменьшенных размерах. Предметы последней позиции, являясь социальным обозначением прусских дружинников, являлись не только первыми геральдическими изображениями в прямом смысле слова, но и древнейшими воинскими знаками в Европе (рис. 1,а).

Социальным показателем члена дружины в Балтии X–XI вв. был, кроме того, и наконечник ножен меча формы, близкой к очертаниям щита, с геральдическим изображением того же ворона (рис. 1,б). С середины XI в. его место здесь занимает древо с трёхчастной кроной (рис. 2). Этот факт по времени совпадает с началом исхода из земли

пруссов профессиональной дружины[12]. Данное событие мог вызвать лишь конфликт между феодализирующейся военной знатью и жреческой верхушкой общества, традиционной руководящей силы в прусской конфедерации[13]. Основа конфликта – борьба за власть. На рубеже XI–XII вв. полностью исчезают памятники археологии, соответствующие по инвентарю и чертам обряда независимой прусской дружине. Побеждают жрецы во главе с языческим первосвященником Криве Кривайтисом[14], неограниченным властителем "священного царства" пруссов. Местопребывание верховного жреца – центральное прусское святилище Ромове (близ совр. г. Мамоново, Багратионовский р-н Калининградской обл.), где рос сакральный дуб, считавшийся оби-

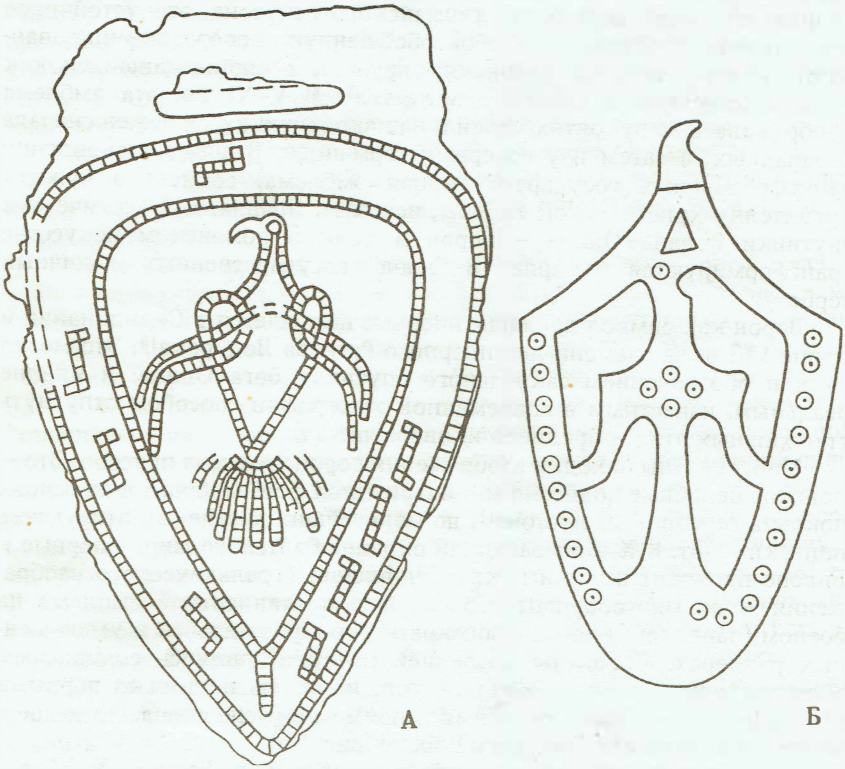

Рис. 1. Раннегеральдические изображения пруссов X–XI вв.:
А – налобная подвеска коня из погр. 52 могильника Ирзекапинис (Зеленоградский р-н Калининградской обл), около 1000–1050 гг.
Б – наконечник ножен меча из погр. 92 могильника Ржевское (Славский р-н Калининградской обл.), около 975 г.

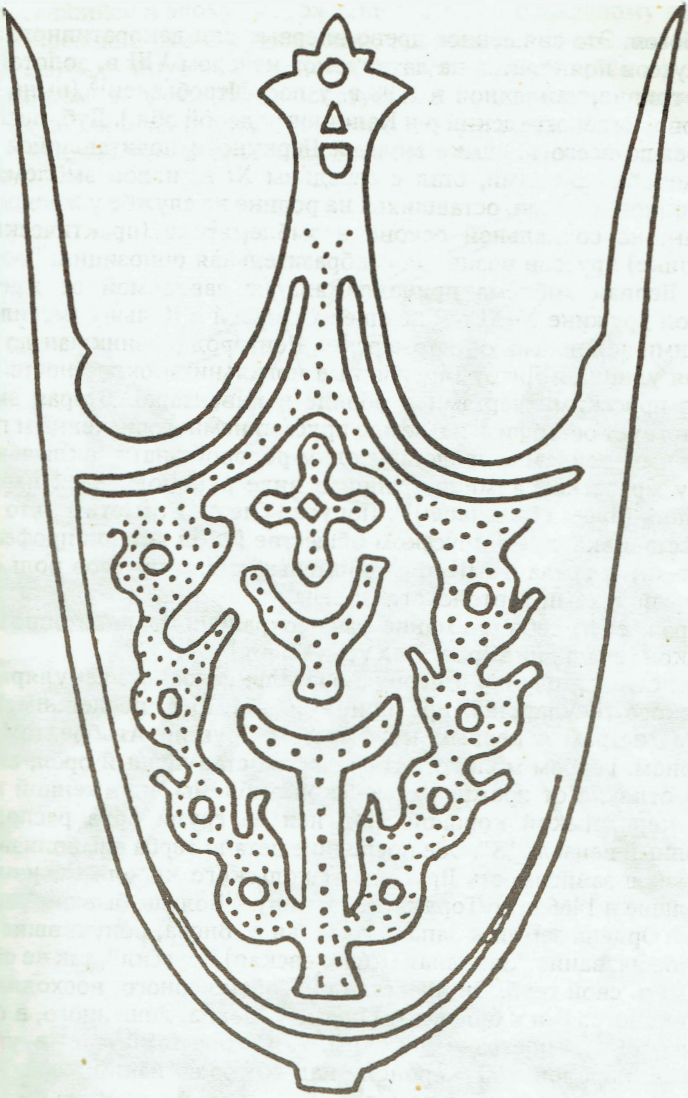

Рис. 1. Архетип позднейшей части прусской геральдической оппозиции — изображение дерева с трёхчастной кроной, по сторонам которого — условные изображения драконов-хранителей. Наконечник ножен меча из погр. б/№ могильника Логвиново (Зеленоградский р-н Калининградской обл.), около 1075—1150 гг.

телью богов. Это священное древо впервые для декоративного искусства пруссов появляется на датируемой началом VIII в. золотой ритуальной гривне, найденной в 1798 г. у пос. Штробьенен[15] (ныне – пос. Куликово, Зеленоградский р-н Калининградской обл.). Дуб, посвященный прежде всего владыке молний Перкуно и почитавшийся всеми пруссами-общинниками, стал с середины XI в. новой эмблемой для части воинов-пруссов, оставшихся на родине на службе у жрецов.

Итак, на социальной основе в эмблематике (практически – в геральдике) пруссов возникла изобразительная оппозиция: "ворон" и "дуб". Первая эмблема принадлежала не зависимой от жречества прусской дружине X–XI вв, позднее ушедшей в Польшу (могильник с прусскими находками в Лютомерске), Новгород (возникшая до 1215 г. Пруская улица), в Литву (дружинные могильники окрестностей г. Каунаса с прусскими чертами в обряде и инвентаре). Вторая эмблема соответствует оставшимся в земле пруссов немногочисленным профессиональным воинам и представителям родовой знати, включённым в систему жреческой администрации в виде руководителей народного ополчения (duces et capitanei)[16]. Попутно следует отметить, что подобная расстановка сил в прусском обществе (уход воинов-профессионалов и т. п.) сыграла в XIII в. отрицательную для пруссов роль в ходе борьбы с войсками Тевтонского Ордена.

Обращает на себя внимание факт сохранения данной оппозиции в городской геральдике Пруссии XVI–XVII вв.[17].

Последнее явление, в первую очередь, связано с секуляризацией Орденского государства, предпринятой в 1525 г. последним Тевтонским Магистром и первым курфюрстом Пруссии Альбрехтом Гогенцоллерном. Гербом молодого государства стал чёрный орёл, снабжённый, в отличие от прежней орденской эмблемы, посаженной на шею птицы королевской короной. Под ней на груди орла располагался серебряный вензель "S". Обе последние детали герба символизировали вассальную зависимость Пруссии от польского короля Сигизмунда I. Отошедшие в 1466 г. по Торуньскому миру к Польше бывшие ранее под властью Ордена земли к западу от устья р. Висла, получившие неофициальное название "Западная (Королевская) Пруссия", также обрели в нач. XVI в. свой герб. Он представлял собой чёрного, восходящего по своей иконографии к орденским временам орла, лишённого, в отличие от прусского, скипетра и державы. Шея орла была также увенчана польской королевской короной, над которой из-под шеи направо выходила латная рука с мечом (рис. 3).

Отражением тенденции городов отстоять в борьбе с государством свою муниципальную независимость (под флагом борьбы за неё в Пруссии прошел весь XV в.) являются элементы "альтернативной" городской геральдики – мотив древа с трехчастной кроной.

Повысившийся в эпоху Возрождения интерес к прошлому пруссов отражен прежде всего в публикации, основанной во многом на местных преданиях "Прусской хроники" Симона Грунау (1526 г.). Именно этим автором впервые было текстуально представлено развернутое описание святилища пруссов Ромове с центральным объектом поклонения – сакральным дубом[18]. Изображение последнего дано в рукопи-

Рис. 3. Герб Западной Пруссии, 1542 г.

Рис. 4. Смоделированный в XVI–XVII вв. "герб" пруссов по рукописи Я. Мельмана

си Я. Мельмана "Chronica und Beschreibung des Landes Preussen und Pohlen" и датируется 1548 г.[19] Оно представлено в виде нашлемника у смоделированного "герба" языческих пруссов (рис. 4). Это же изображение появляется на аверсе монет Данцига. Самым неожиданным, казалось, образом прусская геральдическая оппозиция XI–XII вв. возрождается четырьмя столетиями позднее. Однако, учитывая выход Данцига из-под контроля Пруссии уже в середине XV в., эта оппозиция объяснима. Формируя собственную эмблематику, население южного берега Гданьской бухты обратилось к древней местной традиции,

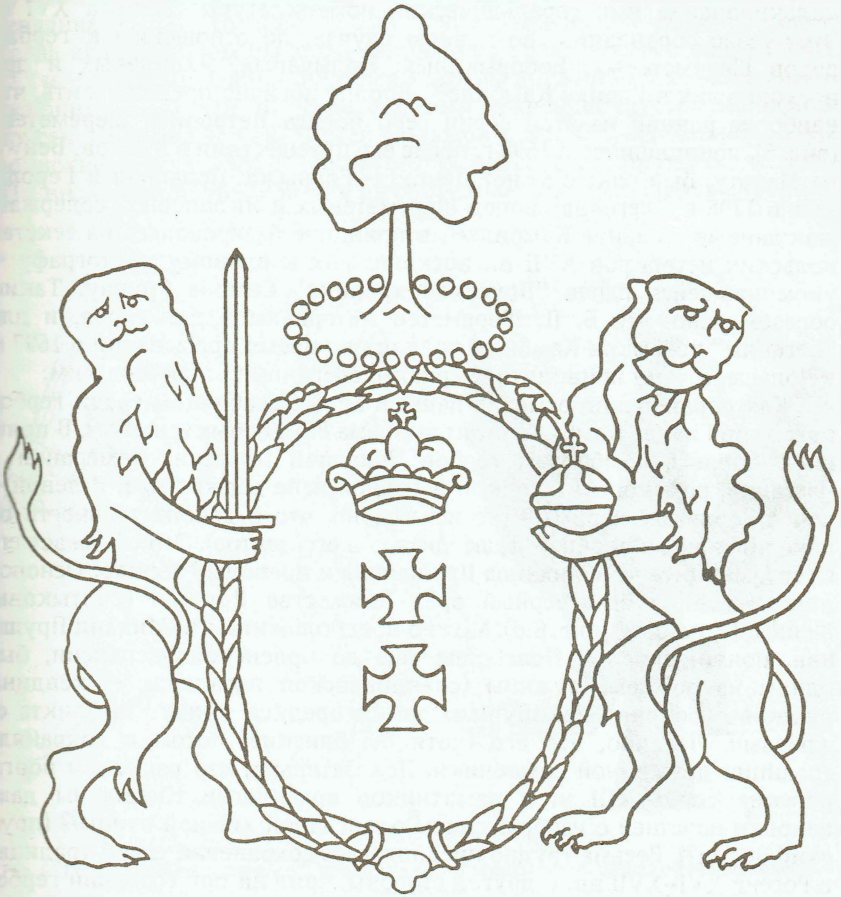

Рис. 5. Герб графа Б. П. Шереметева (с 1698 г.).

вернувшейся к нему со страниц печатных и рукописных книг XVI в. Из двух эмблем прусской геральдики XI–XII вв. одна уже была задействована (не исключено и прямое влияние на германскую символику эмблем дружин – см. выше) в виде княжеского чёрного орла. Жители Данцига использовали вторую часть прусской геральдической оппозиции – "кумиропоклонный" дуб, тем самым ещё раз подчеркнув свою независимость от княжества.

При первом взгляде на гербы российских родов, возводимых к "прусам", возникших в массе не ранее начала XVIII в., явствует калькирование ими геральдической номенклатуры Данцига XVI в. Этот тезис справедлив, во всяком случае, по отношению к гербам родов Шереметевых, Боборыкиных, Колычевых, Яковлевых и др., восходивших к Гланду Камбиле[20]. Вполне логично предположить, что наиболее ранний из этой серии герб Бориса Петровича Шереметева (рис. 5), появившийся в 1698 г. после его путешествия в Краков, Вену и на Мальту, был взят с монет Данцига–Гданьска. Поданная в Герольдию в 1798 г. "легенда" родов Шереметевых и Яковлевых, содержавшая данные о Гланде Камбиле[21], в принципе базировалась на текстах польских историков XVII в., восходивших к единому протографу – упоминавшейся ранее "Прусской хронике" Симона Грунау. Таким образом, ясно, что Б. П. Шереметев материалы и для герба, и для "легенды" потомков Камбилы получил во время пребывания в 1697 г. в Польше, к чему приводят материалы, собранные С. Тройницким.

Как справедливо отмечал данный автор, особняком среди гербов потомков Гланда Камбилы стоит эмблема Романовых (рис. 6,а). В принципе являясь симбиозом гербов Западной Пруссии, Померании и Латгалии, романовский грифон в правой лапе держит меч, в левой – щит с "орликом чёрным" (не исключено, что в действительности он находился не на верхнем краю щита, а в его центре). Это сближает его с гербами потомков Михаила Прушанина и воеводы Гаврило. Основой для последних был чёрный орёл княжества Пруссия (Салтыковы, Шеины, Кутузовы) (рис. 6,б). Можно предположить, что Михаил Прушанин, появившийся в Новгороде ещё до орденской экспансии, был одним из вождей дружины (скандинавская параллель – хёвдинг, русская – боярин), покинувших землю предков ввиду конфликта со жрецами. Логично, что его (хотя бы близкие) потомки сохраняли традиции дружинной символики. Показательно, что раскопки новгородских слоёв XIII в. и памятников археологии Киевщины дают находки перстней с изображением одноглавой хищной птицы[22] (прусский ворон?). Весьма трудно предполагать сохранение такой традиции в России XVI–XVII вв. С другой стороны, вряд ли при создании гербов потомков "прус" в XVII в. существовала лишь ориентация на эмблематику недавних противников в Ливонской войне. Напротив, судя по

сведениям родословных, собранным А. Б. Лакиером, гербы потомков Михаила Прушанина базировались на эмблематике Пруссии как на "древнейшем гербе Прусского воеводства" (не курфюршества и не княжества!). Это можно объяснить лишь тенденцией возвести данные гербы к древнейшей прусской символике, а быть может – и наличием уходящих в толщу веков родовых традиций и преданий.

В таком случае, учитывая характерную черту герба Романовых ("орлик черный"), можно предположить, что и Гланд Камбила не "утомлен будучи во бранях противу крыжаков... и выехал в Россию" в середине XIII в., то есть не был членом жреческой администрации. Тогда его символом было бы сакральное древо. Скорее всего Гланд, как и Михаил Прушанин, являлся знатным дружинником, ушедшим на чужбину ранее XIII в. Даже его имя транскрибируется на основе прусского языка [23] как "Блеск Большой Секиры", напоминая скорее воинские имена эпохи викингов. В прусском ономастиконе XIII–XIV вв. аналогов этому имени по семантике пока не обнаружено.

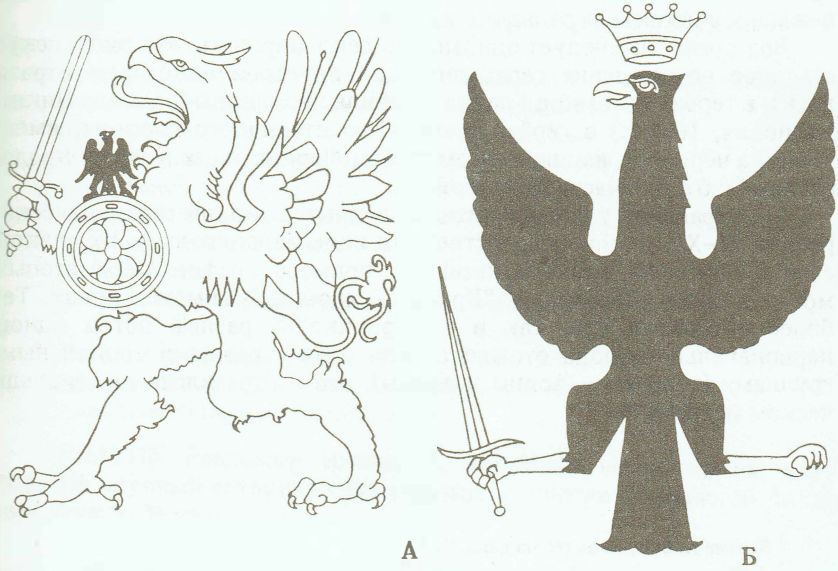

Рис. 6. Гербы потомков "прусов", продолжающие раннюю часть прусской геральдической оппозиции:
А – герб Н. И. Романова (до 1655 г.).
Б – герб Кутузовых (XVIII в.).

Выводы:

1. Геральдическая оппозиция "ворон"–"древо" – реальный результат развития дружинных отношений в прусском обществе XI–XII вв.

2. Акцент в "легенде" родов потомков Михаила Прушанина поставлен на возведение гербов к эмблеме "древнейшего Прусского воеводства", без прямой связи с позднейшей орденской и княжеской геральдикой Пруссии. Можно пока лишь предполагать о существовании определённой родовой традиции, сохранявшей в XVI–XVII вв. информацию об эмблематике XI–XII вв. Сходная тенденция читается и в письменных источниках эпохи Ивана IV[24].

3. "Возрождение" геральдической оппозиции "ворон"–"дуб" в гербах Пруссии и Данцига XVI в., как и в русской геральдике XVII–XVIII вв., скорее всего искусственное. Оно является как следствием политических спекуляций, так и влиянием книжной традиции.

4. Предварительный анализ гербов потомков Михаила Прушанина и Гланда Камбилы, как и выводы В. Н. Бочкова о "легендах", предполагает возможность наличия реальных исторических элементов, лежащих у истоков геральдики выходцев из "прус".

Возможно, не следует однозначно декларировать, что лишь искусственное возрождение геральдической прусской оппозиции отразилось и в гербах потомков Гланда Камбилы: Романовы (воевода Никита Иванович, 1655 г.) в гербе, кроме явно вторичного грифона, имели "орлика чёрного", нашлемником гербов Шереметевых и других родов служил дуб с трёхчастной кроной.

5. Сохранение у представителей данных фамилий геральдических реалий XI–XII вв. в непосредственном виде маловероятно. Их знакомство с прусской эмблематикой (на примере графов Шереметевых) могло в массе восходить к "Прусской хронике" Симона Грунау. Тем более интересно, что, как и в "Хронике"[25], разные ветви одного первоначального рода отождествляли себя с разными социальными группами (условно – воины и жрецы), что и отразилось на геральдическом материале.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Лакиер А. Б. Русская геральдика. СПб., 1855.

[2] Тройницкий С. Н. Гербы потомства Гланда Камбилы // Гербовед, СПб., январь 1913 г. С. 7–17.

[3] Кулаков В. И. Геральдика пруссов и генеалогические корни родов, возводимых в России к выходцам "из прус" // Генеалогия: источники, проблемы, методы исследования. М., 1989. С. 7, 8.

[4] Бочков В. Н. "Легенды" о выезде дворянских родов // Археографический ежегод-

ник за 1969 год. М., 1971. С. 92.

[5] Бочков В. Н. "Легенды" о выезде... С. 79, 80.

[6] Suhle A. Deutsche Münz – und Geldgeschichte von den Anfängen bis zum 15. Jahrhundert, Berlin, 1974, S. 83, 99.

[7] Кулаков В. И. Знамёна дружин Балтийского региона // СА, 1989, № 4. С. 61–70.

[8] Кулаков В. І. Коваленко В. П. Мечі конунгі в Скандінавії і князі в Русі // Друга Чернігівська областна наукова конференция з історичного краєзнавства, вип. 11, Чернігів–Ніжин, 1988. С. 18.

[9] Кулаков В. И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. // СА, 1988, № 3. С. 116, 117.

[10] Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966. С. 162.

[11] Кулаков В. И. Ритуальный комплекс в могильнике у Клинцовки // КСИА, 1980, вып. 160, рис. 2.

[12] Кулаков В. И. Дружинные элементы в могильниках пруссов VII – начала XI вв. // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М., 1988. С. 140.

[13] Кулаков В. И. Земля пруссов и "прусские земли" // Балто-славянские исследования 1985 года. М., 1987. С. 100, 101.

[14] Матузова В. И. "Хроника земли Прусской" Петра из Дусбурга // Вопросы истории. 1986, № 7. С. 66.

[15] Jenny W. A. Zum Goldreif von Strobjehnen // Studien zur Vor– und Frühgeschichte, Carl Schuchhard zum achtzigsten Geburstag dargebracht, Berlin, 1940, S. 88.

[16] Scriptores rerum prussicarum, Bd. I, Leipzig, 1861, S. 53. Anm. 3.

[17] Hupp O. Deutsche Ortswappen, H. 1, Neue Reihe, Bremen, 1933.

[18] Simon Grunau's Preussische Chronik, Leipzig, 1876, Bd. 1, S. 78.

[19] Simenas V. Prūsu herbas ir Videvučio legenda // Kultūros barai, Vilnius, 1990, N 1, p. 1.

[20] Тройницкий С. Н. Указ. соч. С. 9–15.

[21] Лакиер А. Б. Указ. соч. С. 298.

[22] Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 137, 138.

[23] Топоров В. Н. Прусский язык. М., 1975. С. 222; М., 1979. С. 260.

[24] Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.–Л., 1955. С. 97.

[25] Simon Grunau's Preussische Chronik... S. 62.

КУЛАКОВ Владимир Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Российской Академии наук, г. Москва.